

Вполне обоснованно полагать, что некоторые осужденные могут проявить мужество и героизм при исполнении воинского долга, добросовестное отношение к исполнению обязанностей военной службы. В таком ключе реально говорить и об освобождении от наказания, если осужденный тем самым докажет свое исправление. Тогда, по представлению военного командования, суд может освободить его от отбывания наказания или оставшейся части наказания, сняв судимость либо заменив оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Следует также определить фактический срок участия осужденных в боевых действиях, в частности, не менее трех месяцев. Кроме того, следуя принципу справедливости, представляется необходимым установить соответствие одного дня участия в боевых действиях, к примеру, десяти дням лишения свободы.

Особенное внимание следует придать и тому факту, что осужденный, после того как на него распространится действие предлагаемой статьи УК, может отказаться от участия в боевых действиях либо будет ненадлежащим образом исполнять обязанности военной службы или уклоняться от ее прохождения. В таких случаях военному командованию необходимо направить запрос в суд, который рассмотрит вопрос об отправке осужденного в исправительное учреждение в соответствии с приговором, который был постановлен ранее.

Подобные изменения в уголовном законе представляются вполне актуальными, отвечая интересам национальной безопасности государства и принципу гуманизма уголовной ответственности, поскольку осужденные получают возможность исправления в условиях, не связанных с лишением свободы. Более того, такое реформирование остро необходимо в текущий момент времени, ведь обстановка в регионе и прогноз ее развития явно показывают, что в ближайшей и среднесрочной перспективе угрозы военной безопасности нашей стране будут находиться на уровне высокого обострения. Беларусь никому не угрожает и не хочет войны, но в нынешних условиях просто вынуждена держать порох сухим и адекватно реагировать на возникающие угрозы – это не политическая прихоть, а основная задача нашего государства.

Бурак Н. И.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» И «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ»

Бурак Никита Игоревич, студент 3 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, burak_nikita@outlook.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доцент Хилюта В. В.

Уголовное право не может не быть точным, лаконичным и единообразно применяемым, ибо данная отрасль права влияет на судьбы людей. Но что составляет основу данной отрасли права? Вполне очевидно, что уголовное право зиждется на понятии преступления и его признаках. Регламентация

точного и едино понимаемого определения преступления позволит признавать реальные деяния преступными или нет, основываясь лишь на букве закона, а не на оценочном суждении. Соответственно нами указана важность точного понятия преступления. Но какое соотношение двух главных признаков преступления: противоправности и общественной опасности? В нашем рассуждении мы подразумеваем, что все остальные признаки преступления присутствуют, исследуя лишь два ранее заявленных признака преступления.

Противоправность как признак преступления указывает на то, что деяние нарушает правовые нормы и запрещено уголовно-правовой нормой. Данная трактовка обусловлена тем, что преступное деяние нарушает не только уголовно-правовой запрет, но и норму права другой отрасли, например, конституционной. Представляется, что противоправность – это указание на то, что преступлением является лишь то, что таковым прямо указано в законе.

Что есть общественная опасность? На наш взгляд, она заключается в том, что деянием причиняется или создается угроза причинения вреда общественным отношениям. Но такой вред признается общественно опасным лишь у деяний направленных против наиболее ценных общественных отношений, т. е. существует граница, при которой вред деяния признается общественно опасным, или, иными словами, существуют общественные отношения, причинения вреда которым мы признаем общественно опасным.

Соответственно, необходимо дать толкование тому, что подлежит лишь субъективному, а не объективному указанию. Безусловно, мы можем сделать определенную границу количественного вреда общественным отношениям, выраженную материально (чтобы признать таковой вред уголовно-наказуемым). Но ведь не все преступные деяния связаны с наступлением материальных последствий. Существуют формальные составы преступления, если вообще не усеченные.

Возможно ли представить общественную опасность абстрактно, т. е. имеющую свое понятие вне зависимости от субъективных суждений? Представляется, что нет, ибо каждый дает свое оценочное суждение относительно деяния и, соответственно, его общественной опасности или же отсутствия таковой. В данном случае общественная опасность аналогична аморальности, т. е. признаку, который имеет оценочный характер и не может быть единообразно истолкован.

Но кто есть истинный толкователь общественной опасности деяния? Представляется разумным, что единственный истинный толкователь нормы права – это законодатель. Иные трактовки ведут к правовой неопределенности, что губительно для правового государства. Воля правоприменителя при разъяснении, что такое общественная опасность деяния, недопустима, ибо это уже сделал законодатель путем криминализации или декриминализации деяния. А так как общественная опасность уже реализована в противоправности преступления, то

законодательное закрепление первой, дающее простор для иного толкования правоприменителями, представляется неразумным.

Считаем, что общественная опасность – это указатель законодателя для криминализации или декриминализации соответствующего деяния. Однако в ее присутствии в качестве законодательного признака преступления нет необходимости ввиду ее оценочного характера. Только законодатель может оценить общественную опасность деяния. Но все-таки нельзя не указать на то, что любое деяние можно признать общественно опасным по той причине, что нанесение вреда общественным отношениям, не порицаемым государством, есть покушение на устои общества, а это представляет опасность нормальному функционированию общества и, соответственно, общественно опасно. Таким образом, возникает вопрос: столь необходимо ли законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления?

Подводя итог, следует указать, что нами не отрицается тот факт, что общественная опасность – это признак преступного деяния. Однако считаем неразумным законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления ввиду невозможности ее единого толкования как категории закона. Толкователем общественной опасности деяния должен быть только законодатель, криминализирующий деяния. Тем самым общественная опасность деяния олицетворяется в противоправности преступления.

Виноградова Е. С.

ОБ ОСНОВАНИЯХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОТНЕТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

*Виноградова Екатерина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ekatirina.vinogradova12@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Новые мировые тенденции, обусловленные уменьшением значения географических границ государств и национальной принадлежности личности, свидетельствуют о выходе развития информационных технологий на новый уровень. Информационно-коммуникационные технологии ежедневно совершенствуются, что выражается в появлении новых видов и способов совершения киберпреступлений. Одним из таких деяний, представляющим общественную опасность, является создание, использование и распространение в киберпространстве «ботнетов».

В белорусском уголовном законодательстве, да и в законодательстве в целом, не закреплено понятия «ботнет». Однако на международном уровне была попытка дать полное определение данного понятия. Так, в Рекомендательных типологиях новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, утвержденных постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества